

ТИТАНЫ И ГЕНИИ В МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Ю.П. Симонов-Вяземский

Аннотация. *Метатрадиция западной культуры, раскрывая себя в феномене мировой литературы, может быть описана через коммуникативное взаимодействие выдающихся личностей – творцов, чьими духовными усилиями создаются литературные произведения, которые оставили след в национальной и мировой культуре. Титаны – те, кого можно было бы назвать титанами подобного творческого процесса, создатели отдельных школ и направлений, оказавших масштабное влияние на людей по всему миру. Вокруг титана обычно складывается школа его последователей, куда можно отнести даже тех, кто не вполне отдаёт себе отчёт в том, что стоят на их плечах.*

Вместе с тем, титаны – не просто одиночки, чьими усилиями рождается бытие культуры. Внимательный анализ исторических данных убедительно показывает, что титан не появляется на голом месте. Прежде, чем он возникнет как бы из ничего, в культуре происходит не всегда заметная, но очень важная и кропотливая работа. Её проводят гении – люди, чья творческая одарённость создаёт питательную почву для рождения нового, ранее не бывавшего. Титаны, впитывая соки культурной почвы, способны на этой основе создать принципиально новый, ранее не присутствовавший в культуре археобраз, воплотить в нём новый архепарадокс. В Древней Греции такими трёхликими титанами были Эсхил, Софокл и Еврипид, а также Платон. В Европе Нового времени в широком смысле слова – Данте, Сервантес и Гёте. В России – Толстой и Достоевский. Углубление в дискуссию о роли и месте названных персоналий в истории мировой литературы показывает их особую роль в западной культурной метатрадиции и глубочайшее влияние на пути развития мировой культуры.

В мировой литературе, созданной титанами, всегда присутствует великий парадокс, великие вопросы, великая тайна человека. Там присутствует эта трепетная дрожащая тварь между добром и злом, которая непонятно что есть.

Ключевые слова: метатрадиция, западная культурно-религиозная метатрадиция, мировая литература, титаны мировой литературы, гении мировой литературы.

Как известно, в философии и истории культуры существует такое понятие, как метатрадиция. Обычно выделяют две метатрадиции – западную и восточную. Однако точнее говорить о трёх культурно-религиозных

метатрадициях. Это, во-первых, западная метатрадиция, основой которой является Греция; во-вторых, южная метатрадиция – Персия, Египет, Вавилон; в-третьих, восточная метатрадиция, основой которой является Китай.

Метафорически можно представить три склона великой горы, по которой идёт восхождение человечества. На западном склоне всё ведёт к христианству и дальше, на южном склоне метатрадиция ведёт к исламу, а восточная культурно-религиозная метатрадиция ведёт вначале к даосизму, потом к буддизму, и уже отсюда идёт движение дальше.

Гора едина, поэтому и литературы, которые произрастают на этой почве, со временем вступают в более тесный контакт между собой. На это впервые обратил внимание великий Гёте, который первым заговорил о мировой литературе [Иванова, 2015: 61-64]. Не факт, что такого взаимопроникновения не было раньше, возможно, на него просто не обращали внимания, или просто ещё не сформировались достаточно развитые школы литературных исследователей, чтобы поставить подобный вопрос. Напротив, сегодня изучение феномена мировой литературы в различных аспектах – одно из ключевых направлений исследований различных профилей, от сугубо литературоведческих до философских [Gálik, 2000: 1-8; Thornber, 2016: 107-118; Baggesgaard, 2016: 466-483; Locane, 2019; Bender, 2016: 261-275].

На западном склоне, то есть в западной культурно-религиозной традиции, были свои титаны и свои гении, и разница между ними следующая: титан создаёт новое литературное мышление, а гений – нет. Довольно трудно определить, что такое «новое литературное мышление», однако можно выделить несколько его ключевых характеристик. Прежде всего, с помощью такого мышления создаётся новый археобраз (в каком-то смысле по той же модели, что и архетип). Далее, этот археобраз, запущенный в литературный оборот, начинает жить собственной жизнью, то есть начинает использоваться и трактоваться другими сочинителями, другими литературными исследователями, другими поэтами и писателями. Вот появилась Медея – и живёт, появился Орест или Орфей – и живут. В литературе, в живописи, в скульптуре. И, наконец, третий (и самый показательный) пара-

метр титана мировой литературы, – то, что отличает его от национального гения: благодаря новому литературному мышлению, новому археобразу, возникают новые литературные школы.

И здесь уже можно чётко проследить: появились крупные писатели, крупные поэты, иногда очень знаменитые («национальные гении»), которые говорят: «я учился у того-то», «он мой учитель». То есть сложились школы, основанные титанами, и их наличие можно легко опознать благодаря свидетельствам их учеников, в то время как у гениев подобная школа либо вообще отсутствует, либо она достаточно ограничена (например, носит национальный характер).

Конкретные примеры. Первые титаны литературы, которых можно найти в Древней Греции – Эсхил, Софокл и Еврипид. Точнее – это один трёхликий титан, потому что каждого по отдельности назвать титаном мировой литературы сложно. Зато вместе они создают один мир и один в широком смысле театр археобразов. Второй титан мировой литературы из Древней Греции – это Платон, и он тоже трёхлик – это титан философии, богословия и прозы. Достаточно прочесть диалог Платона «Пир», чтобы понять, что это принципиально новая литература, в которой создаются совсем другие образы [Тахо-Годи, 1979: 58-82]. И, наконец, третий титан – это Аристофан, благодаря которому родилась школа комедии [Гаспаров, 1983: 303-311; Лосев, 2005; Аверинцев, 1996].

От Греции линия культурной преемственности ведёт в Европу. В Средневековье здесь господствуют те образцы и парадоксы, которые идут из христианства, и речь, таким образом, идёт не о титанах, а о сверхтитанах или святых, которые потом освящают весь путь западной культуры. В это время рождаются темы и те образы, которые затем входят в сознание её носителей настолько плотно, что практически неустранимы из контекста, даже когда на них не ссылаются. Эти темы звучат, эти вопросы ведут – вперёд или назад; они возрождают или убивают, – но при этом они определяют

систему культурных координат на тысячелетия вперёд [Аверинцев, Гаспаров, 1986].

С началом Нового времени можно говорить о «привязке» литературных процессов к рождающимся национальным литературным языкам и отдельным странам: у каждой страны по одному титану. Италия – это Данте и связанная с ним колоссальная литературная школа. Даже те сочинители, кто не ссылается на Данте, воспринимаются здесь как его ученики и последователи. Англия – это Шекспир и созданный им совершенно особый образный мир. Испания – Сервантес, который, кроме всего прочего, создаёт первый европейский роман [Кожин, 1963: 136-188]. Германия – Гёте с его удивительным художественным миром, с непонятным сочинением «Фауст», где трудно определить, что это: поэма, которая не читается, или драма, которая не играется. С французами есть большая сложность, я пока не могу найти там титана. Хотя если бы мне на помощь пришёл Михаил Михайлович Бахтин, то он бы, наверное, сказал, что это Рабле [Бахтин, 2017]. С моей точки зрения, Франция скорее представляется как конгломерат очень сильных гениев, которые на корню перевернули литературный мир, не предложив что-то совершенно новое, как это сделали Данте, Шекспир, Сервантес и Гёте.

Что касается России, здесь два титана мировой литературы с колоссальной школой – Толстой и Достоевский [Коваленко, 2015: 97-108]. Многие писатели на «западном склоне» говорят: «Я учился у Толстого». Если же обратиться, например, к скандинавской художественной культуре, то практически каждый выдающийся писатель называет своим учителем Достоевского; в их числе, например, швед А. Стриндберг и норвежец Г. Ибсен. И, наконец, «половинка» титана – это Чехов. «Половинка» – потому, что если взять Чехова как прозаика, то трудно сказать, кто у него учился из зарубежных сочинителей. Мы не наблюдаем у него зарубежных школ, потому что за рубежом есть другие школы: Мериме,

Флобер, Мопассан, английские сочинители, которые ничуть не хуже Чехова, а в чём-то даже лучше. Но если мы коснёмся его знаменитых четырёх пьес, его театра, то любой мало-мальски образованный европеец вынужден будет признать, что, конечно, весь европейский театр XX века – и английский, и немецкий, и французский – вырос из Чехова. То есть он безусловно титан. Но титан только для театра. Таким образом, точнее будет сказать, что в России не два, а два с половиной титана.

Помимо титанов есть гении. И самое интересное – есть национальные гении. Кто это? Если посмотреть на горы – Эверест, Монблан, Эльбрус, Казбек, – то увидим, что горы в основном располагаются в горной стране, где их существование как бы подготовлено: сначала идут холмы, потом, потом небольшие горы, и только потом возникают титаны – Эльбрус, Эверест и т.д. Так и в литературе: чтобы появился титан, для него надо подготовить почву, надо её «всхолмить». Для этого должен быть создан великий национальный литературный язык. Что касается греков, здесь прошло много «литературных» веков прежде, чем появились триликие титаны Эсхил, Софокл и Еврипид: были те, кто всё это готовил, кто делал театр и в VI в. до н.э., возможно даже раньше, в VII в. до н.э. То есть и Эсхил, и Софокл, и Еврипид пришли на подготовленную почву, не говоря уже о том, что все они ссылались на Гомера. Гомер тоже, безусловно, титан мировой литературы, но он так далёк от нас во времени, что его фигура стала почти мифологической: мы не знаем точно ни кто он, ни где он, ни когда он. Эсхил, Софокл, Еврипид называли его просто «Поэт» с большой буквы. У нас, безусловно, такой поэт – это Пушкин. К нему мы ещё вернёмся.

Интересно, что (например) Данте сам ссылается на двоих своих предшественников, о которых нам мало что известно и от которых до нас мало что дошло: Гвидо Кавальканти и Гвидо Гвиницелли. Именно они подготовили стиль «дольче нуово», «новый сладостный стиль», на котором Данте возрос и на котором он

вознёся, и на котором возникла гора Чистилище, по которой он стал восходить в своей бессмертной комедии к Раю [Гончарова, 2016: 40-42; Володина, 2004].

То же самое мы наблюдаем в Англии: это так называемые «университетские умы», из которых самый яркий, наверное, Кристофер Марло [Cheney, 2004]. Отсюда, кстати, возникает потом и пресловутый шекспировский вопрос. Говорят: вот они-то люди с университетским образованием, а он-то без, так что скорее всего он ничего и не написал, а написали за него, наверное, какие-то другие люди. Подобные домыслы питаются недопониманием характера и возможностей протекания литературного процесса: почва языка и культуры ко времени Шекспира уже была подготовлена, ему не нужно было университетское образование, он «взял» его уже готовым.

И Сервантес в Испании, и Гёте в Германии также пришли на уже подготовленную литературно-языковую почву, где уже существовали великий испанский и великий немецкий язык. Перед этими титанами не стояла задача, которая стояла перед несчастным Александром Сергеевичем Пушкиным. Вот он пришёл в мировую литературу, а до него языка не было. То есть он был, но был недостаточно подготовлен для того, чтобы возник титан мировой литературы. Были, конечно, Карамзин и Жуковский. Но если вы будете читать раннего Пушкина, то увидите, что язык этих произведений не достоин того языка, на котором потом будет писать поздний Пушкин, и Лермонтов, и Гоголь.

По поводу Пушкина у меня как-то возник спор с моим замечательным коллегой, профессором Ирвином Вайлем, славистом из Северо-Западного университета США. Он мне объяснял, что я ничего не понимаю, что Пушкин, безусловно, титан мировой литературы [Davie, 1965; Weil, 1967: 220-222]. И, кстати, профессор Вайль сказал, что если бы Достоевский услышал, что я говорю, что назвал Достоевского титаном, но не включил в это перечень Пушкина и Гоголя, мне бы от Достоевского сильно досталось. Он бы

сказал, что все его произведения не стоят одной повести Пушкина. Да, дорогие друзья, мне бы досталось от Достоевского, но всё равно это не нарушает мою картину мира: если мы возьмём школу мировой литературы, то на Гоголя здесь мало кто ссылается. Да и непонятно, зачем ссылаться, когда есть, например, Гофман.

Пушкин и Гоголь, эти великие люди, создавали удивительный богатейший русский литературный язык [Силантьева, 2014: 62-67]. Язык, породивший 2,5 титанов русской литературы – Толстого, Достоевского и Чехова. Профессор Вайль говорил мне: «Юрий, вы просто не понимаете, поэзия непереводаима. Поэтому западные коллеги не в состоянии понять и оценить Пушкина, потому что невозможно перевести поэзию». На что я ему возражал: да, конечно, поэзия непереводаима, и невозможно перевести Данте в той глубине, которую он нам предлагает, особенно «Рай». Но, однако, все признают Данте. Потому что «земную жизнь пройдя до половины, я очутился в сумрачном лесу» – и сразу создаётся глубочайший археобраз. А если мы возьмем удивительного и обожаемого мною Пушкина?

«Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты ...»

Это удивительная музыка, удивительная красота, поэзия, но она сугубо языковая: попробуйте это перевести, и у вас ничего не получится: там нечего перевести ни на английский, ни на французский, ни на немецкий! Там вся красота, вся божественность заключается в игре *этой* речи, там нет ни земной жизни, ни сумрачного леса, там не возникают образы. Великая драма «Борис Годунов» переведена на английский – сразу возникает вопрос: а зачем мне это нужно, если основная идея, основной парадокс, который оттуда извлекают:

«О, совесть лютая,
как тяжко ты караешь! ...»

Здесь и стремление к власти, и расплата за то, что ты совершил преступление, «ежели на тебе пятно единое случайно завелось». Но зачем читать эту

специфически русскую драму, когда за-долго до неё была написана глубочайшая драма под названием «Макбет»? То есть, по большому счёту, тем людям, которые интересуются русской литературой, русским языком – это может быть интересно. А для других есть другие сочинения. Профессор Вайль со мной категорически не соглашался, но чем дольше я живу, тем больше убеждаюсь, что дело не в непере-водимости поэзии, а в том, что там, где титаны, там должны быть археобразы и архепарадоксы.

Мы уже говорили о трёх видах познания [Симонов-Вяземский, 2018а: 124-131] и о том, что наука после себя оставляет параметр, по которому можно идти дальше; развитие религиозного сознания должно породить парадигму, парадокс – то есть пример для подражания. А великое искусство, тем более искусство титана, оставляет после себя парадокс [Симонов-Вяземский, 2018б: 7-18; Симонов-Вяземский, 2018в: 7-14]. И чем глубже, неразрешимее и страшнее парадокс, тем дольше он живёт в литературе, потому что каждый век на него отвечает по-своему, потому что у парадокса нет однозначного ответа. И в этом величие литературы. Именно таким образом её переводят последующие сочинители.

В этом плане очень показателен следую-щий пример. Однажды замечатель-ный поэт В. Берестов рассказывал мне о своей беседе с Анной Ахматовой, где она, в свою очередь, вспоминала свою беседу с Пастернаком. Анна Андреевна сказала Борису Леонидовичу, что со времён «Фа-уста» прошло полтора века, мир изме-нился, и в нашей литературе она видит только одного человека, который бы мог написать современного «Фауста», и это Пастернак. Пастернак согласился:

--Хорошо. Я переведу «Фауста».

– Вы меня не поняли, Борис Леонидо-вич, вы можете *написать* нового «Фа-уста», это будет *совершенно новый* «Фа-уст»!

– Анна Андреевна, я вас прекрасно поня-л. Я его *переведу*.

И он перевёл. Его переводы – самые лучшие, но их не надо читать, если вы хо-

тите проникнуть в метафорику оригина-ла. Классический пример – знаменитые слова Гамлета, которые Пастернак боже-ственно перевёл, все цитируют именно его перевод:

«Порвалась дней связующая нить.

Как мне обрывки вновь соединить?»

Удивительная красота! Удивитель-ный образ, удивительный, если хотите, парадокс. Но у Шекспира нет ничего по-добного. У него:

The time is out of joint – O cursed spite,
That ever I was born to set it right!

Что в моём почти точном переводе звучит так:

«Век выбит из сустава. В том прокля-тье,

Что этот вывих вынужден вправлять-ся».

Выдающийся переводчик Шекспира В.В. Морозов [Морозов, 1954а: 333-435; Морозов, 1954б: 93-148] доказал: во вре-мена Шекспира театр был обществен-ным местом, куда ходил в основном про-стой народ. «Приличные» люди ходили туда в масках. С этим связана мода на ме-тафоры. Поскольку тогда активно разви-валась медицина, в ходу были медицин-ские метафоры, и как раз такая метафора перед нами: The time is out of joint – то есть время выскочило из – joint – сустава. А Пастернак перевёл в соответствии с XX веком, в соответствии со своим гением: «Порвалась дней связующая нить...».

Важно и то, что титан вообще-то определяется не сразу – надо, чтобы время прошло – лет сто, а иногда и сто пятьдесят. Шекспира оценили через сто пятьдесят лет (первую скрипку в этом сыграл Гёте, хотя уже его предшествен-ники обратили внимание на английского сочинителя). Но, ещё раз, Шекспир дол-гое время оставался в полном забвении, зато потом оказался востребован всюду, включая Южную Африку [Thurman, 2016: 2]. Для гениев тоже нужен интервал, про-сто меньший. Пушкин – национальный гений, но тоже был период, когда он был забыт.

А судьи кто? Судьи – это как раз и есть литература. Например, Еврипида пона-чалу никто не переваривал, со времен

Древней Греции он всех раздражал, потому что вёл себя в театре совершенно безобразно: поучал, философствовал, строил какие-то невообразимые сюжетные ходы. Однако со временем наступил момент, когда люди поняли, что Еврипид чрезвычайно интересен.

Или появляется Пушкин и говорит: когда читаешь Шекспира, то возникает ощущение, что ты смотришь в бездну. Кстати, сама биография Пушкина в этом плане очень интересна, видна динамика его роста. Детство – это они вместе с сестрой увлекаются Мольером, они живут Мольером, они все в Мольере. Это кумир, это мастер. Может быть даже гений, но не национальный, по моей классификации. Потом наступает момент, когда Пушкин вырастает и даёт Мольеру довольно точную характеристику: по его мнению, у Мольера персонажи всегда выходят на сцену в маске, которую не снимают. То есть скупой у него всегда скупой, умный – всегда умный, дурак остаётся дураком от начала и до конца, то есть нет динамики раскрытия образа.

Пушкину этого уже не хватает, и у него появляется другой кумир – Байрон. Байрон – национальный гений, вне всякого сомнения. Причём Пушкин настолько им пропитывается, что – попробуйте перевести «Евгения Онегина» на английский язык – получится Байрон. Набоков пытался – ничего не вышло. Читаешь Байрона – очень хорошо «переварен», но не до конца. А потом уже в михайловской ссылке Пушкин начинает работать над «Борисом Годуновым», и вот тогда уже сам становится национальным гением. Он начинает читать Шекспира, уходит от Байрона, Байрон становится ему слишком мелок для той глубины, на которую он восходит, и тогда появляется эта замечательная фраза: когда читаешь Шекспира, то смотришь в бездну. Вот такой показатель моей градации гений – национальный гений – титан.

Ну и наконец, к сожалению, или к счастью, мои размышления показывают, что титаны появляются тогда, когда наступает золотой век, и что в жизни на-

ции и национально-религиозной культуры это пока бывало только один раз. И Данте был один. И Шекспир был один. И Сервантес был один. И у нас был удивительный золотой век, когда появилось 2,5 титана мировой литературы, которых сейчас исполняют везде, даже в Японии. Другое дело, что в Японии, если тебе не сказали, что идёт постановка «Идиота» или «Братьев Карамазовых», ты никогда не поймёшь, что это они, потому что японцы видят эти образы по-своему, всё переваривается и превращается в японскую кухню. Поль Валери когда-то гениально сказал, что лев – это, прежде всего, хорошо переваренный баран. Это высказывание очень подходит, на мой взгляд, для того, чтобы анализировать заимствования в мировой культуре.

Во-первых, лев – достойное животное. Во-вторых, именно *хорошо переваренный* баран, ибо когда это всё плохо переваривается, то не происходит заимствование, а происходит варваризм. Отсюда вывод: в русской литературе больше золотого века не будет; да, собственно, и серебряный закончился, и давно. Но остались другие национальные культуры, которые, возможно, дадут нам новых титанов. Очень хорошая почва, например, есть в Латинской Америке. В мировой литературе, созданной титанами, всегда присутствует великий парадокс, великие вопросы, великая тайна человека. Там присутствует эта трепетная дрожащая тварь между добром и злом, которая непонятно что.

Повторю, для меня золотой – это тот век, который возникает в национальной литературе вокруг титана, а титан – это человек, который, прежде всего, создаёт образы, точнее – археобразы. Создаёт за счёт того, что ставит парадоксальные вопросы, которые потом начинают звучать в художественном сознании не только у себя на родине, но и в смежных странах, и в общем в мировой литературе. Потому что, чем дальше движется человечество, тем насыщеннее взаимодействие между литературами и культурами.

Список литературы:

- Аверинцев С.С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М.: Языки русской культуры, 1996. 447 с.
- Аверинцев С.С., Гаспаров М.Л. Проблемы литературной теории в Византии и латинском средневековье. М.: Наука, 1986. 255 с.
- Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Litres, 2017. 690 с.
- Володина И.П. Итальянская традиция сквозь века: из истории итальянской литературы XVI-XX вв. СПб.: СПбГУ, 2004. 259 с.
- Гаспаров М.Л. Литература европейской античности: Введение // История мировой литературы в 9 томах: Том 1. М.: Наука, 1983. 584 с. С. 303-311.
- Гончарова А.А. Вклад Данте Алигьери в формирование современной лингвистической философии // Вестник Череповецкого государственного университета. 2016. № 1 (70). С. 40-42.
- Иванова Л.А. Понятие «мировая литература» в сравнительном литературоведении Германии // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2015. № 4-1 (87). С. 61-64.
- Коваленко О.А. Западная рецепция русской литературы XIX века: Ф.М. Достоевский и Л.Н. Толстой // Культура и цивилизация. 2015. № 6. С. 97-108.
- Кожин В.В. Происхождение романа. М.: Советский писатель. 1963. 440 с.
- Лосев А.Ф. Античная литература. Учебник для высшей школы. 7-е изд. М.: ЧеРо, 2005. 543 с.
- Морозов М.М. Вильям Шекспир. Трагедия о Гамлете, принце датском (перевод М. Морозова) // Морозов М.М. Избранные статьи и переводы. М.: ГИХЛ, 1954а. 596 с. С. 333-435.
- Морозов М.М. Язык и стиль Шекспира // Морозов М.М. Избранные статьи и переводы. М.: ГИХЛ, 1954б. 596 с. С. 93-148.
- Силантьева М.В. Русский язык в «имперском» формате»: «золотой век» русской литературы и культуры как источник современной российской ментальности / Русское культурное пространство. 2014. С. 62-67.
- Симонов-Вяземский Ю.П. Антропологическое измерение концептуализации языков познания в современной культуре // Гуманитарный вектор. 2018а. Т. 13. № 3. С. 124-131.
- Симонов-Вяземский Ю.П. Очень хорошо, если у вас есть своя доминантная комната // Концепт: философия, религия, культура. 2018б. № 2 (6). С. 7-18.
- Симонов-Вяземский Ю.П. Человек – существо девятимерное // Концепт: философия, религия, культура. 2018в. № 1(5). С. 7-14.
- Тахо-Годи А.А. Миф у Платона как действительное и воображаемое / Платон и его эпоха. М.: Наука, 1979. 318 с. С. 58-82.
- Baggesgaard M.A. Precarious Worlds: Danish Colonialism and World Literature // Journal of World Literature. 2016. Vol. 1. No 4. P. 466-483.
- Bender M. Ethnic Minority Literature / A Companion to Modern Chinese Literature. edited by Yingjin Zhang. UK: John Wiley & Sons, Ltd. 2016. P. 261-275.
- Cheney P. The Cambridge Companion to Christopher Marlowe. UK.: Cambridge University Press, 2004. 338 p.
- Davie D. Russian Literature and Modern English Fiction: A Collection of Critical Essays. USA: Univ. of Chicago Press, 1965. 244 p.
- Gálik M. concepts of World literature, comparative literature, and a Proposal // CLCWeb: Comparative Literature and Culture. 2000. Vol. 2. No 4. P. 1-8.
- Locane J.J. De la literatura latinoamericana a la literatura (latinoamericana) mundial: Condiciones materiales, procesos y actores. Vol. 3. Boston: Walter de Gruyter GmbH & Co KG, 2019. 253 p.
- Thornber K.L. Why (Not) World Literature: Challenges and Opportunities for the Twenty-First Century //Journal of World Literature. 2016. Vol. 1. No 1. P. 107-118.

Thurman C. Introduction: Generation S: «Southern» Shakespeares across Time and Space / South African Essays on 'Universal' Shakespeare. Ed. Thurman C. L.-N.Y.: Routledge, 2016. 207 p. P. 1-18.

Weil I. Russian Literature and Modern English Fiction: A Collection of Critical Essays by Donald Davie // The Slavic and East European Journal. 1967. Vol. 11. № 2. P. 220-222.

Об авторе:

Российской Федерации, к.и.н.к, профессор, заведующий кафедрой мировой литературы и культуры МГИМО МИД России. Москва, 119454, пр. Вернадского, 76.
E-mail: kfmgimo@gmail.com.

TITANS AND GENIUS IN WORLD LITERATURE

Yu.P. Simonov-Vyazemsky

Abstracts. *The meta-tradition of Western culture, revealing itself in the phenomenon of world literature, can be described through the communicative interaction of prominent personalities - creators, whose spiritual efforts create literary works that have left their mark on national and world culture. Titans are those who could be called titans of a similar creative process, the creators of individual schools and trends that have had a large-scale impact on people around the world. There is usually a school of his followers around the tyrant, where even those who are not fully aware of the fact that they stand on their shoulders can be attributed.*

At the same time, the titans are not just singles, whose efforts give birth to a culture. A careful analysis of historical data convincingly shows that titanium does not appear in a bare place. Before it arises as if from nothing, there is not always noticeable, but very important and painstaking work within the culture. It is carried out by geniuses - people whose creative talent creates a nourishing ground for the birth of a new, not previously experienced. The Titans, absorbing the juices of the cultivated soil, are able on this basis to create a fundamentally new, previously not present in the culture, arche-image, to embody in it a new arche-paradox. In ancient Greece, such three-faced titans were Aeschylus, Sophocles, and Euripides, as well as Plato. In Europe, the New Age in the broad sense of the word - Dante, Cervantes and Goethe. In Russia - Tolstoy and Dostoevsky. The deepening of the discussion on the role and place of these personalities in the history of world literature shows their special role in Western cultural metatradition and the deepest influence on the development of world culture.

In the world literature created by the titans, there is always a great paradox, great questions, great mystery of a man. There is this quivering trembling creature between good and evil, which is unclear what.

Key words: *metatradition, western cultural and religious metatradition, world literature, titans of world literature, geniuses of world literature.*

References:

Averintsev S.S. *Ritorika i istoki evropejskoj literaturnoj traditsii* [The rhetoric and origins of the European literary tradition]. Moscow, Iazyki ruskoj kul'tury, 1996. 447 p. (In Russian).

Averintsev S.S., Gasparov M.L. *Problemy literaturnoj teorii v Vizantii i latinskom srednevekov'e* [Problems of literary theory in Byzantium and the Latin Middle Ages]. Moscow, Nauka, 1986. 255 p. (In Russian).

Bakhtin M.M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaia kul'tura srednevekov'ia i Renessansa* [Creativity Francois Rabelais and folk culture of the Middle Ages and the Renaissance]. Moscow, Litres, 2017. 690 p. (In Russian).

Volodina I.P. *Ital'ianskaia traditsiia skvoz' veka: iz istorii ital'ianskoĭ literatury XVI-XX vv.* [Italian tradition through the centuries: from the history of Italian literature of the XVI-XX centuries]. Saint-Petersburg, Saint-Petersburg State University, 2004. 259 p. (In Russian).

Gasparov M.L. Literatura evropeĭskoĭ antichnosti: Vvedenie [Literature of European Antiquity: Introduction]. *Istoriia mirovoĭ literatury v 9 tomakh: Tom 1* [History of world literature in 9 vol.: Vol. 1]. Moscow, Nauka, 1983. pp. 303-311 (In Russian).

Goncharova A.A. Vklad Dante Alig'eri v formirovanie sovremennoĭ lingvistiĭcheskoĭ filosofii [Dante Alighieri's contribution to the formation of modern linguistic philosophy]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta - Bulletin of Cherepovets State University*, 2016, no. 1 (70), pp. 40-42 (In Russian).

Ivanova L.A. Poniatie «miraia literatura» v sravnitel'nom literaturovedenii Germanii [The concept of "world literature" in comparative literature in Germany]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Iaroslava Mudrogo - Bulletin of Yaroslav-the-Wise Novgorod State University*, 2015, no. 4-1 (87), pp. 61-64 (In Russian).

Kovalenko O.A. Zapadnaia retseptsiia russkoĭ literatury XIX veka: F.M. Dostoevskii i L.N. Tolstoi [Western reception of Russian literature of the XIX century: F.M. Dostoevsky and L.N. Tolstoy]. *Kul'tura i tsivilizatsiia - Culture and Civilization*, 2015, no. 6, pp. 97-108 (In Russian).

Kozhinov V.V. Proiskhozhdenie romana [The origin of the novel]. Moscow, Sovetskii pisatel', 1963. 440 p. (In Russian).

Losev A.F. *Antichnaia literatura. Uchebnik dlia vyssheĭ shkoly. 7-e izd.* [Ancient literature. Textbook for high school. 7th ed.]. Moscow, CheRo, 2005. 543 p. (In Russian).

Morozov M.M. Vil'iam Shekspir. Tragediia o Gamlete, printse datskom (perevod M. Morozova) [William Shakespeare. The tragedy of Hamlet, the prince of Danish (translated by M. Morozov)]. *Morozov M.M. Izbrannye stat'i i perevody* [Morozov M.M. Selected articles and translations]. Moscow, GIHL, 1954a. pp. 333-435 (In Russian).

Morozov M.M. Iazyk i stil' Shekspira [The language and style of Shakespeare]. *Morozov M.M. Izbrannye stat'i i perevody* [Morozov M.M. Selected articles and translations]. Moscow, GIHL, 1954b. pp. 93-148 (In Russian).

Silant'eva M.V. Russkii iazyk v «imperskom» formate»: «zolotoĭ vek» russkoĭ literatury i kul'tury kak istochnik sovremennoĭ rossiĭskoĭ mental'nosti [Russian language in the "imperial" format: the "golden age" of Russian literature and culture as a source of modern Russian mentality]. *Russkoe kul'turnoe prostanstvo. Vyp. 3. Sbornik materialov nauchno-prakticheskogo seminara 17 aprelia 2014 g.* [Russian cultural space. Issue 3. Collection of materials of the scientific-practical seminar on April 17, 2014]. Moscow, «Pero», 2014. pp. 62-67 (In Russian).

Simonov-Viazemskii Iu.P. Antropologicheskoe izmerenie kontseptualizatsii iazykov poznaniia v sovremennoĭ kul'ture [Conceptualizing the Anthropological Dimension of the languages of knowing in modern culture]. *Gumanitarnyi vector - Humanitarian Vector*, 2018a, V. 13, no. 3, pp. 124-131 (In Russian).

Simonov-Viazemskii Iu.P. Ochen' khorosho, esli u vas est' svoia dominantnaia «komnata»: prodlzhenie temy «Chelovek – sushchestvo deviatimernoe» [It's a great thing to have your own dominant "Room": continuing on the topic "A man as a nine-dimensional human being"]. *Kontsept: filosofii, religii, kul'tura - Concept: philosophy, religion, culture*, 2018b, no. 2 (6), pp. 7-18 (In Russian).

Simonov-Viazemskii Iu.P. Chelovek – sushchestvo deviatimernoe [A man as a nine-dimensional human being]. *Kontsept: filosofii, religii, kul'tura - Concept: philosophy, religion, culture*, 2018c, no. 1 (5), pp. 7-14 (In Russian).

Takho-Godi A.A. Mif u Platona kak deĭstvitel'noe i voobrazhaemoe [Plato's myth as real and imaginary]. *Platon i ego epokha* [Plato and his era]. Moscow, Nauka, 1979. pp. 58-82 (In Russian).

Baggesgaard M.A. Precarious Worlds: Danish Colonialism and World Literature. *Journal of World Literature*, 2016, Vol. 1, no. 4, pp. 466-483.

Bender M. Ethnic Minority Literature. *A Companion to Modern Chinese Literature*. Ed. by Yingjin Zhang. John Wiley & Sons, Ltd., 2016. pp. 261-275.

Cheney P. *The Cambridge Companion to Christopher Marlowe*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 338 p.

Davie D. *Russian Literature and Modern English Fiction: A Collection of Critical Essays*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1965. 244 p.

Gálík M. Concepts of World literature, comparative literature, and a Proposal. *CLCWeb: Comparative Literature and Culture*, 2000, Vol. 2, No. 4, pp. 1-8.

Locane J.J. *De la literatura latinoamericana a la literatura (latinoamericana) mundial: Condiciones materiales, procesos y actores*. Vol. 3. Boston: Walter de Gruyter GmbH & Co KG, 2019. 253 p. (In Spanish).

Thornber K.L. Why (Not) World Literature: Challenges and Opportunities for the Twenty-First Century. *Journal of World Literature*, 2016, Vol. 1, no. 1, pp. 107-118.

Thurman C. Introduction: Generation S: 'Southern' Shakespeares across Time and Space. *South African Essays on 'Universal' Shakespeare*. Ed. by Thurman C. London-New York: Routledge, 2016. pp. 1-18.

Weil I. Russian Literature and Modern English Fiction: A Collection of Critical Essays by Donald Davie. *The Slavic and East European Journal*, 1967, Vol. 11, no. 2, pp. 220-222.

About the Author:

Simonov-Vyazemsky Yuri Pavlovich – Honored Worker of Culture of the Russian Federation, Ph.D. in History, Professor, Head of the Department of World Literature and Culture, MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. Moscow, 119454, Vernadsky avenue, 76.
E-mail: kfmgimo@gmail.com.